

Примерно два дня оставалось до столкновения с Осирисом. Кальвин только и делал, что погружался в свои мысли, незаметно собирая всё больше и больше кругов под глазами. Рина всё время держала своё сердце дракона на шее, но закрытым от посторонних глаз, чтобы избежать нежелательного внимания. Селвис только и делал, что кружил над своей книгой, как в бесконечной карусели, ожидая того, что должно произойти.

Картуаджа, однако, не мог удержаться от сна в своём классе.

- Мистер Пургис. - профессор Крейн ковыляла к нему, как пингвин по льду. & Во второй раз весь класс решил, что уместно посмеяться:

- Мистер Пургис!

Глаза Картуаджи, наконец, начали тонуть в свете комнаты.

- Хм, - его голос был хриплым, но полностью проснувшимся.

— Спать в классе... Опять! Я полагаю, у Вас уже готов тот десятистраничный отчёт, который я просила сделать? - в уголках её рта застыла усмешка, какая-то кривая и неподходящая под ситуацию.

Картуаджа подпёр себя на заднем сиденье.

- Ах да... - он потянулся к тому, что выглядело как папка десятилетней давности под его столом, вытаскивая идеально отформатированный, грамматически правильный и неплохой отчёт из правого кармана папки. - Думаю, это всё... - он саркастически почесал в затылке, наблюдая, как кипящая ярость профессора Крейн сменяется смущением.

Она выхватила его из его рук и заковыляла обратно в переднюю часть зала, он смеялся позади неё, слушая её шаги.

Хотя она и не была большой, её голос был достаточно громким, чтобы компенсировать это.

- Молчать! - её крик действовал на нервы сильнее, чем пощечина.

Лео ударил кулаком Картуаджу: - Ты действительно делаешь домашнее задание? - он усмехнулся.

- Эх, - вздохнул Картуаджа, - оно приходит и уходит, знаешь?

Лео рассмеялся, снова сосредоточившись на центре зала.

Лейла Крейн была одной из немногих профессоров, которые не использовали обычный класс для проведения своих лекций. Аудитория - это то место, где она нашла лучшее применение своему классному времени, и, конечно же, благодаря своей планировке. Профессор Крейн обычно проводила лекцию в небольшом кругу в центре класса, прямо перед массивной классной доской. Сиденья были выровнены вокруг центрального круга рядами, каждый ряд будет на несколько футов выше предыдущего. Потолок зала был почти пятьдесят футов высотой, но ряды обычно останавливались примерно на полпути.

Единственная проблема, с которой столкнулась профессор Крейн, заключалась в том, что Картуаджа решил вздремнуть, заставив её вразвалку подняться по ступенькам к его месту в одном из самых дальних рядов. Это сводило её с ума, но время от времени давало возможность посмеяться над остальными учениками, чтобы не дать им уснуть. Картуаджа и Лео обычно сидели в последнем ряду, и хотя Парис была с ними в одном классе, она всегда сидела впереди, чтобы её оценки соответствовали её самой большой сопернице: Рине Амброз. Гриффин Блад сидел рядом с ней, но они больше никогда не разговаривали слишком много.

Профессор Крейн уже собиралась вернуться к своей лекции, когда внезапное вторжение в аудиторию помешало ей сделать это. Это нежелательное вторжение исходило не от кого иного, как от Калвина, когда он привлёк внимание профессора Крейна к единственному входу в дальнем углу.

- Профессор Крейн, прошу прощения, что перебиваю. Я подумал, не могу ли я украсть Мистера Блада на несколько минут.

— Конечно, - она взглянула на Гриффина, - я не понимаю, почему бы и нет.

Весь класс наблюдал, как Гриффин поднялся со своего места, его лицо было полно сожаления, осторожности и гнева. Он казался другим, и всё же никто не знал почему. Кальвин указал на Гриффина, чтобы идти вперёд, помахав рукой на прощание профессору Крейну, и, подмигнув, Картуадже и Лео.

Выходя из аудитории, Гриффин держал голову, изо всех сил стараясь не показывать никаких признаков, которые могли бы сбить Кальвина с толку. Однако первые же слова Кальвина, обращённые к нему, вернули ему нежелательное внимание:

- Что же ты думаешь обо всём этом, Гриффин Блад?

— Я не знаю. - Гриффин отвечал негромко, стараясь быть кротким.

- Я уверен, что ты слышал и видел, как многие ученики были прокляты по всей школе, - упрекнул Кальвин, идя вместе с Гриффином по узкому коридору.

- Да. Это... Трагично.

- Действительно.

Кальвин больше не задавал вопросов, вместо этого они шли тихо. Звуки разговоров профессоров и небольших разговоров в коридоре щекотали их уши, как перышки, пока они шли все дальше и дальше по коридору. Кальвин повёл Гриффина на медицинский факультет, показав ему страдающих невинных студентов, погрязших в собственных кошмарах.

Они стояли и смотрели несколько минут, пока Кальвин не решил, что пора уходить. Гриффин молчал, поглощённый мыслями о собственном раскаянии. Его глаза хотели закрыться, но они не закрывались, как бы он ни старался. Как будто он смотрел на собственную смерть или на то, что могло её вызвать. Его горло сжималось с каждым вздохом, когда он продолжал смотреть. Смерть была рядом с ним, принимая его в свои объятия, как новорожденного без матери.

- Пошли, - Кальвин толкнул Гриффина в плечо, вырывая его из того мира, в который попали его глаза.

Кальвин повёл Гриффина в свой кабинет, оставаясь спокойным всю дорогу. Мукс сидел на четвереньках на гигантском столе Кальвина, внимательно наблюдая за Гриффином.

Гриффин сел в свободное кресло, не в силах больше сдерживать свое разочарование.

- Просто убейте меня. - это застало Кальвина и Мукса врасплох. - Вы ведь для этого меня сюда привели? Убейте меня, если придётся.

- Похоже, ты был прав, Мукс, - Кальвин занял своё место. - Зачем ты это сделал, Гриффин?

Пот выступил на голове Гриффина, когда он в отчаянии сжал кулаки. Воздух в комнате был влажным, и ему было трудно сохранять самообладание. Однако он промолчал.

— Если ты просишь доказательств, то...

— Он собирался убить меня! - крикнул Гриффин, неожиданно прервав Кальвина. - Он не собирался просто убить меня.... И моя семья тоже... Если только я не сделаю то, о чём он просил. - Гриффин закатал рукав, обнажив тёмную желтоватую отметину, идущую от локтя до плеча. - Значит, он пометил меня.

Чего Кальвин не мог понять, так это душевной боли, которую испытывал Гриффин. Распространяя Проклятие Осириса на своих одноклассников, прячась от страха, отнятого злобой. Это казалось ему несправедливым, потому что, как бы он ни старался делать добро, результат всегда будет один и тот же. Он будет дразнить его каждую ночь, как прилежный призрак, провоцирующий его в глубине сознания. Но теперь это не имело значения; он был пойман, и никаких доказательств не требовалось.

Кальвин вздохнул с огромным облегчением:

- Я ценю твою честность. Однако честность не спасёт тебя от изгнания. Что будет потом, не мне решать, но я уверен, что ты можешь догадаться...

- Если позволите, - Мукс неохотно вступил в разговор, как ястреб, выслеживающий свою добычу, - никто из студентов ещё не умер, и если то, что он говорит, правда, ему угрожали. - Мукс видел, как лицо Гриффина сменилось другим выражением. - Исключение, конечно, гарантировано, но то, что произойдёт потом, может быть не так плохо, как кажется.... Ну, это само собой понятно.

— Что у вас есть для нас? - спросил Кальвин.

— Я ничего не знаю... - пролепетал Гриффин. - Я не знаю, где Осирис, каковы его планы и кто ему нужен. Я просто глупая пешка для его... - Гриффин оборвал себя. Его глаза расширились от шока, а грудь болела изнутри. Пот начал выделяться из его пор с ненормальной скоростью, и его тело замерло от ужаса.

Кальвин быстро вскочил со стула, готовый броситься на помощь, но Мукс остановил его.

- Не трогай его!

Кальвин уставился на Мукса, как на сумасшедшего:

- Что ты сказал?

- Осирис уже добрался до него, вызывай медиков. Мальчик нам больше не нужен.

Гриффин застыл, рухнув на пол с несколькими последними судорогами, прежде чем потерять сознание.

— Я всё ещё не могу понять твоих действий. - Кальвин искоса взглянул на Мукса. - Как ты можешь забыть, что такое человеческие эмоции? Они - единственная причина, по которой половина из нас всё ещё жива.... Они - причина любить, ненавидеть, смеяться, плакать....

- Потому что... Я больше не человек, - успокоил его Мукс.